

Альберт Суфианов: Я врач с закалкой 1990-х

*Здание Федерального центра нейрохирургии в Тюмени, расположенное на огороженной территории с контрольно-пропускным пунктом, напоминает закрытый объект, несмотря на жизнерадостную расцветку. Пациенты направляются в центр на плановые операции, поэтому случайных прохожих там не ждут. Однако гостям рады. Так, разговор с руководителем ФЦН, депутатом Тюменской областной думы, почетным гражданином Тюмени и Заслуженным врачом РФ **Альбертом Суфиановым**, на самом деле не нуждающимся в представлении не только в Тюмени, но и далеко за ее пределами, состоялся практически сразу, как только Альберт Акрамович вернулся из очередной командировки и закончил все запланированные операции. О знаменитом хирурге Суфианове известно многое, мы решили задать вопросы о Суфианове человеке и заслушали ответы. А результатом с удовольствием делимся с нашими читателями.*

- Альберт Акрамович, скажите, у вас есть любимая пословица или поговорка? Какая-то народная мудрость, которую вы, может быть, и не часто произносите, но любите и цените?

– Да нет такой фразы... Хотя в операционной я про себя молюсь, конечно. Меня мама научила в детстве нескольким небольшим молитвам на татарском. Это в том числе своеобразный способ настроиться на операцию.

- Вы росли домашним или уличным ребенком? Каков был в детстве ваш любимый досуг?

– Так получилось, что мама растила меня одна, отец рано умер. Нужно было содержать семью, и она очень много работала. Когда уходила на сутки, я был предоставлен себе. Много читал, очень любил читать, и в то же время на улице бывал подолгу. Такой микс получился. Помню, как порой сидел целыми днями в библиотеке у нас в Вихоревке. Это маленький рабочий поселок рядом с Братском, где я родился и вырос.

- Чем больше всего любили заниматься?

– Мама подумала и отдала меня в музыкальную школу. Все детство там и провел, окончил с отличием. Я вообще баянист. Мне даже рекомендовали дальше поступать. Но я, все обдумав, решил, что в музыку не пойду, буду врачом.

- Почему?

- Наверное, мама повлияла. Она считала, что врач — благороднейшая профессия. Постоянно это повторяла.

- Что вы яснее всего представляете, когда вспоминаете о маме, о детстве?

- Даже трудно сказать... Наверное, как мы с мамой рыбачим.

Она у меня такая боевая была, подвижная, трудолюбивая. Мы не только рыбачили, и грибы собирали, и ягоды в тайге.

Мама всему меня научила, даже кирпичи класть. Дачу взяли – сами строили, после смерти отца помочь было некому. Гараж – тоже сами. Я погреб вырыл. Класа с пятого, шестого что-то строил.

Сейчас думаю: теперь кто так? Маленький, в сущности, ребенок, подросток... Но нам просто тоже хотелось жить достойно.

- Ваша мама — на все руки мастерица.

- Она из деревни. Все знала. Говорю же, боевая была! Машину, мотоцикл водила, на баяне играла. Мне к технике привила любовь, и мотоцикл купила. Помню, тогда это было целое событие. «Я хочу ездить». – «Ну хорошо, машину купить не сможем, но вот мотоцикл – да». И я гонял на мотоцикле.

- Из какой она была семьи, откуда корни ваши?

- Из деревни в Татарстане.

- Как занесло на восток?

- Приехали с отцом строить БАМ, денег заработать. Тогда же все перемещались, стройка была большая. Молодые были, отчаянные.

Жили очень трудно. Первое жилье, которое я помню, и практически до окончания средней школы, – это переделанные под квартиры солдатские казармы, бараки. Выбирать особо было не из чего. Там отец успел построить баню, сарай. Туалет — на улице. Сейчас я понимаю, что условия суровые. А тогда нормально было все (улыбается). Я даже не представлял других условий. И дрова колот, и баню топил, и воду таскал.

- В одном из интервью вы сказали, что уже в 13 лет точно знали, что будете врачом. Так это?

- Мне эту мысль в голову вкладывали в детстве, кроме того, я много читал об известных докторам, их жизни. Конечно, это заражало. Не могу сказать, что именно в 13, но ближе к окончанию школы я понимал, что быть врачом — это здорово и интересно.

- И вы понимали, какие процессы в живом организме происходят?

- Тогда еще не совсем понимал. Но была мечта. Мамины слова и книги вложили в меня

это стремление — стать врачом.

Книг, кстати, я читал очень много, запоем. Причем, все, что удавалось найти. Библиотека в поселке была маленькая, по-моему, я ее всю перечитал. Библиотекари удивлялись.

- Любимая книга была?

- «Сердце хирурга». Был такой хирург Федор Углов, очень известный, он работал у нас в Иркутской области, оттуда родом, трудился в наших краях, потом жил и работал в Ленинграде. Так вот он в нашем Иркутском мединституте учился. Меня сильно впечатлило, что он начинал в деревне обычным врачом, помогал людям. Все это очень красочно описано. Конечно, это заражало молодых людей. Сейчас таких книг не пишут...

- Выбрав сложнейшую из профессий, вы выбираете ее сложнейшее направление — нейрохирургию, а в ней выбираете сложнейшую специализацию — детскую нейрохирургию. Складывается впечатление, что вы всегда идете по самому сложному пути. Ставите себе высокую планку намеренно?

- Не могу сказать, что специально это делаю. Как-то интуитивно. Мне так интереснее. Я иду туда, где мне интересно. Понимаю, что там есть где развиваться, есть что осваивать — то есть не стоять на месте, делать что-то новое. А это самое главное, мне кажется. Есть ли смысл заниматься тем, о чем уже все известно? Но такого, чтобы я себя преодолевал, нет.

- А вам легко учеба, например, давалась?

- Очень легко. Школу окончил с золотой медалью. В институте был чуть ли не единственный ленинский стипендиат, хотя я жил в общежитии и особых условий для занятий не было. Сами представьте, что такое студенческое общежитие. Даже в этих условиях удавалось учиться. У меня была феноменальная память. А еще и желание было огромное и огромный интерес к профессии. Парень из рабочего поселка попал в мединститут...

Когда поступал, решал все в уме. На меня и будущая жена-то обратила внимание именно тогда, на подготовительных курсах. Профилирующим предметом была физика.

Я помню, что преподаватель писал задачи на доске. Не успеет дописать, я встаю и говорю ответ.

И запоминал хорошо — смотрел и тут же сдавал досрочно. То есть учился я действительно очень легко.

- Совсем не было трудностей?

- Был такой момент, когда я окончил вуз. Полная разруха, 1990-е годы. И оказалось, ничего из того, чему нас учили, к чему готовили, в больницах нет. Ни лекарств, ни оборудования, ни технологий. Это был ужас. Поэтому многие сломались, практически весь наш курс разбежался. Даже мой друг, с которым мы вместе учились, прекрасный хирург, очень талантливый человек, тоже не устоял, перемен не выдержал. Тогда было сложное время. Но я веру в медицину не оставил. Жизнь показывает, что, в общем-то, правильно сделал.

Стал думать, как быть дальше, где учиться. Нашел. Учился и за границей. Бог помогал, посылал на моем пути очень светлых людей, я бы так сказал.

- Часто вы обращаетесь, вольно или невольно, к Богу за помощью?

- Каждый день.

- Вы очень давно в профессии. Есть такое понятие, как профессиональная деформация. Интересно, есть ли у вас такие моменты, когда вы понимаете, что поступили как врач вне операционной, в обычной жизни?

- Если ты врач, мне кажется, у тебя нет обычной жизни. Ты врач все время или не врач вообще. В этом отношении я очень много внимания уделяю воспитанию своего коллектива, особенно молодых сотрудников. Тому, что заключается в этом понятии – врач.

Для тех, кто выбрал эту профессию, уже обычной жизни нет. Это как монашество, верность обету. Жизнь отдал? – Отдал, все. Или бросаешь и уходишь. Вариантов нет.

- Были случаи, когда не выдерживали и уходили?

- Конечно. Соблазнов очень много для всех, особенно для молодых людей. Если изменил медицине, значит ты уж не врач (выразительно хлопает ладонью по столу). Профессия очень сложная, она требует полной самоотдачи!

- Допустим, пришел новый сотрудник. Как вы понимаете, работаете или нет?

- У нас такой слаженный коллектив потому, что я до сих пор с каждым собеседование провожу лично и смотрю: подойдет ли он нашему коллективу, сможем ли мы работать, не отвлекаясь от главного — помощи больному. Если что-то не так, люди понимают и уходят. Те, кто остается, – не обычные врачи. Это действительно люди, которые все отдают пациенту. Ты же не можешь операцию бросить на середине и сказать: я устал, хочу есть и вообще я пошел домой.

У нас есть такая фраза – после нас либо сталь, либо шлак. Не знаю, насколько это приемлемо для вашего издания, возможно, не поймут люди, как можно такое говорить. Но у нас вот так. Сразу видно, как человек себя проявляет. Потому что режим работы очень тяжелый.

- Вы как-то сказали, чтобы все успеть, в крайнем случае можно и сном пожертвовать. Как вы справляетесь с недосыпом?

- В основном, конечно, выручает баня по выходным. Полюбил баню уже здесь, в Тюмени. Потому что нагрузки после переезда сюда из Иркутска возросли очень сильно. Стараюсь не упускать возможность. Особенно с холодными процедурами, с моржеванием, это у нас среди коллег очень популярно.

- Известно, что вы и ваши коллеги фактически взяли под опеку ребят из Успенского психоневрологического дома-интерната.

- Это очень важный для меня проект.

- Примерно год назад вы говорили, что в рамках партийного проекта «Единой России» «Жизнь в ясном сознании» движетесь в сторону создания там эпилептологической службы. Продолжается ли эта работа?

- Она наконец-то завершена. Причем удалось завершить этот проект на очень высоком уровне. В Успенку даже приезжали мои друзья из-за рубежа – из Швейцарии, Японии – мировые специалисты в эпилептологии, в поддержке таких детей. И они были удивлены тем, что мы сделали.

Оказывается, проект, аналогичный нашему, создавали в Индии, но опять же не такой продуманный и технологичный.

В Тюмени же построена полноценная лаборатория высочайшего класса.

Для Успенки удалось закупить аппаратуру, которой нет даже в нашем центре нейрохирургии. Мы обучили специалистов, они теперь постоянно поддерживают проект, там находятся, читают снимки. Мы сделали очень большое дело! Но нельзя останавливаться, надо развивать это направление дальше.

- Этот проект сможет принять других детей?

- Пока все замкнуто только на Успенский интернат. И остается еще очень много работы, потому что дети, находящиеся там, часто нетранспортабельны, нуждаются в постоянном, фактически пожизненном наблюдении.

То, что сделано для жизни этих детей, для их поддержки, развития, лечения – это большой шаг. Но на базе этого проекта можно развивать многие направления, необходимые не только для этого учреждения, но и вообще для уральского региона. Потому что хорошо диагностировать эпилепсию даже у обычных детей, не имеющих других отклонений здоровья, очень сложно. Даже за деньги. Потому что нет ни специалистов, ни оборудования, ни лабораторий. К тому же для обследования нужен медицинский сон. Для этого требуются анестезиологи, реаниматологи, палата пробуждения – это целый комплекс. А в Успенке можно создать все условия.

- Кто сможет развивать это направление?

- Как говорится, из искры разгорится пламя. Тоже, кстати, хороший лозунг. Важно делать добрые дела, пусть даже маленькие, а люди подхватят.

Я продолжаю этим заниматься, есть образец – это эффективно, это работает, но на самом деле нужна комплексная поддержка от региона — профильных департаментов, отвечающих за здравоохранение, социальную политику, поддержка губернатора.

К примеру, компьютерный томограф или аппарат МРТ позволит сразу посмотреть не только функции мозга, но и его структуру. Стоит построить какой-либо пансионат, чтобы люди

приезжали и могли там остановиться. Вариантов развития много. Но такой диагностический центр нужен.

Хочется, чтобы нас услышали, чтобы посмотрели на то, что уже создано. Проект поддержала партия «Единая Россия». Может, удастся продолжить работу совместно с Ямалом, Югрой.

Искру мы высекли, надеемся, пламя разгорится.

- Этим летом во время вашей операции произошел вопиющий случай — хакеры взломали системы ФЦН и вам пришлось заканчивать работу без помощи приборов, сообщают журналисты. Расскажите, что произошло?

– Привезли тяжелого ребенка на повторную операцию, на первой операции коллеги не смогли выполнить все, что хотели, поэтому попросили нас помочь. Состояние пациента ухудшалось, поэтому надо было действовать быстро. Операцию назначили на субботу. Когда я открыл мозг, мне понадобилось что-то уточнить. Обычно все данные подводятся к микроскопу, прямо в операционную, но тут все экраны молчали. Я понял, что что-то произошло. Начали выяснять. Оказалось, хакерская атака.

Но это мне не помешало, конечно, завершить операцию, сделать все, что было нужно. Я врач с закалкой 1990-х.

- Сложно понять людей, которые вмешиваются в такие тонкие процессы.

– Это вообще преступление. Страшные люди. Ведь речь идет о здоровье! У меня даже в голове не укладывается.

Не уходя от темы, хочу сказать, что главные приборы у хирурга — это голова и руки. Я осваивал профессию в такое время, когда не было приборов, которые есть сейчас. И в принципе я способен выполнить операцию без них. Своих людей я тоже готовлю таким образом, чтобы они могли качественно закончить операцию, даже если мир перевернется.

Причем, это не голословное утверждение. Могу привести еще один конкретный пример.

Как-то, еще в Иркутске, я начал очень сложную, трудоемкую операцию – удалял опухоль мозга у ребенка. И прямо во время операции загорелась барокамера, находившаяся за стеной. Малыш, лежавший там, играл машинкой и случайно высек искру...

Когда коллеги поняли, что баллоны с кислородом могут рвануть, естественно, сразу начали эвакуацию. Крикнули мне: «Альберт, беги, сейчас все взорвется!» А я стою над раскрытой головой ребенка.

Я остался, потому что понимал: если уйду, то ребенок погибнет. И даже в этих экстремальных условиях, когда все горело, безо всяких приборов операцию я закончил. Тогда меня Бог сохранил.

Поэтому повторяю: люди, которые со мной трудятся, которых я учу, способны и должны работать в любых условиях.

- Многие фильмы о далеком и недалеком будущем предполагают, что операции любой сложности будут выполнять машины. Верите, что хирург отложит скальпель?

- Человек от операций не отойдет, хотя бы наблюдать все равно будет. Полностью, думаю, машина не заменит человека. Какие-то, может быть, рутинные — не операции, манипуляции — будут выполняться машинами, а какие-то уже и сегодня выполняются роботами.

- А ваша идея создать МР-операционную не приближает нас к этому будущему?

- К этому мы постепенно движемся. У нас была раневая хирургия. Была хирургия через малые отверстия, малотравматичная. Сейчас — бесшовная хирургия, через проколы. Это то, что я привнес, разработал и ввел в обиход. А теперь хочу ввести бесконтактную нейрохиргию — следующий этап.

- Бесконтактная — что значит?

- Мы вообще не прикасаемся к человеку. Лучи можно фокусировать в определенных точках, аккумулировать, выжигать – таким образом разрушать опухоль, например. Сейчас это возможно. Уже есть такие аппараты. Но для этого, конечно, нужна специальная операционная.

Где-то половину работы по созданию такой операционной в нейрохирургическом центре мы провели. В этом помог Владимир Владимирович Якушев, экс-губернатор Тюменской области. Но он перешел на другую должность, и проект пока остановился. Обстоятельства иногда бывают сильнее нас. Теперь буду выходить на новое руководство региона. Надеюсь, мне помогут завершить начатое.

- Расскажите, какое место в вашей жизни занимает вера?

- Это очень важный момент. Человек должен верить. Другое дело, в какой форме. Я не приверженец нарочитой демонстрации религиозности. Храню свою веру внутри, мало кому показываю.

- Вы говорили, что вера вам знакома с детства.

- Да, мама в этом плане была очень серьезный человек. Она сопровождала молитвами важные дела, но каждый день читать намаз ей не удавалось. Постоянные ночные смены, еще что-то. Но традиции, несмотря на это, у нас в семье соблюдались. Традиционные кушанья, праздники, это все было.

- Учитывая тотальную занятость, какое время вам удастся уделять религии?

- Еще не созрел, возможно, до того, чтобы начать читать намаз. Может быть, все поменяется. Но за свои дела и мысли я отвечаю перед собой, перед Аллахом.

- А у вас есть потребность узнавать об этом больше?

- Мне ничего не мешает узнавать больше. У меня очень много друзей мусульман, мы общаемся.

Хотя сейчас ко мне больше обращаются как к депутату. Идут с просьбами, к примеру, прочитать лекцию, выделить средства из депутатского фонда, в том числе и на строительство мечети, помочь прооперировать. Конечно, обращаются не только мусульмане.

Как врачу, как депутату, мне, по большому счету, не принципиально, какую религию исповедует обратившийся ко мне за помощью. Просто человек. Я буду ему помогать. Независимо от положения, вероисповедания, состояния.

- Но по сути вы человек ислама?

- Я мусульманин, конечно.

- А когда вы впервые побывали в мечети, в сознательном возрасте?

- В нашем поселке мусульман было очень мало. По пальцам пересчитать. И мечети там не было. В мечеть я попал в Татарстане, в детстве, когда мама повезла к родственникам.

- И в завершении, скажите, вы уже давно живете в Тюмени, а для вас важен пейзаж за окном? Ведь тюменский наверняка очень отличается от иркутского. Привыкли уже к этому?

- На самом деле Тюмень уже стала родным домом.

Я замечая, что если куда-то уезжаю, то скучаю, радуюсь возвращению. То есть Тюмень пришлась по душе. К тому же здесь все рационально устроено, все близко. 10 минут из постели — я в операционной. 10 минут — я в бане. 10 минут — где-то еще. Мне нравится.

- А в каком месте, любом на Земле, вам бывает комфортнее всего?

- Даже не задумывался. Наверное, здесь, в центре. Я не хочу сказать, что комфортно прямо в операционной. Пожалуй, лучше всего в кабинете. Даже, видите, микроскоп, и то рядом. Здесь все продумано таким образом, чтобы я не терял времени, тренировался, совершенствовался в нейрохирургии, а еще мог решить все организационные дела, передохнуть между операциями.